

Н. А. Бутинов

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Термин «половозрастная стратификация», который употребляется в статье В. А. Попова, включает в себя: 1) половозрастные различия, 2) возрастные классы и 3) общество, в структуре которого определяющую роль играют пол и возраст. Половозрастные различия даны природой, хотя с ними были и будут связаны социальные функции. Возрастные классы зафиксированы на разных стадиях развития общинно-родового строя и в раннеклассовых обществах. Половозрастная организация, существовавшая в прошлом многие тысячи лет, нигде в своем первоначальном виде не обнаружена.

В. А. Попов реконструирует у народов группы акан три возрастных класса: ммеранте, мпаньфо и аберемпонфо. Эти классы функционировали в доколониальный период в обществе, структуру которого, вероятно, определяли уже не пол и возраст, а имущественные и ранговые различия. Тем не менее этот вывод ценен, так как позволяет надеяться, что у народов акан будут найдены и другие фрагменты половозрастной организации.

Одна группа народов может дать лишь часть того, что необходимо для реконструкции древнейшей половозрастной организации в целом. Оставленные ею следы немногочисленны, и их приходится собирать по частям у всех народов. Наибольший интерес в этом плане представляют древние цивилизации, а также племена бродячих охотников и собирателей, ставшие сравнительно недавно объектами этнографических исследований. Эти остатки обнаруживаются во всех разделах языка, во всех жанрах фольклора, во всех областях культуры: изобразительном искусстве, социальных институтах, обычаях, положительных знаниях, верованиях. При этом приходится учитывать, что язык, искусство, социальные институты, верования в то время были неотделимы друг от друга.

Казалось бы, какая связь может быть между половозрастной организацией и числом? Однако связь есть — число связано с полом: нечетные числа трактовались у многих народов как мужские, а четные как женские. Чет-нечет — это верхний, более поздний слой, который надо снять. Ф. Энгельс отмечал, что деление на чет и нечет имеет смысл в одних системах счисления (например, десятичной) и не имеет смысла в других (например, пятеричной)¹. Числа «один» и «два» — мужское и женское сами по себе, а не потому, что они нечетное и четное. Пифагор, например, так и утверждал: число «один» — мужское, «два» — женское. Числа «три» и «четыре» — тоже мужское и женское сами по себе. Есть народы, у которых мужские числа — «три» и кратные «трем» (включая «шесть», хотя оно четное). И есть народы, у которых в почете не все четные числа, а лишь те, в которые входит слово «четыре» (включая четырнадцать, а также восемьдесят, обозначаемое в их двадцатеричной системе как «четыре по двадцать»).

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 574.

Числовой ряд от одного до четырех — очень древний. Народы, судьбы которых давным давно разошлись, сохраняют в пределах этого числового ряда языковую общность. Например, числительные «два» и «три» в русском, айнском и океанийских языках восходят к одним и тем же корням (см. табл.).

Число	Язык		
	протоиндоевропейский	протоокеанийский	айнский
два	duo	dua	tu
три	trejes; trie	telu	te

Вряд ли это случайное совпадение, особенно если учесть, что число «восемь» строится в протоиндоевропейском и полинезийских языках по одному и тому же принципу («четыре дважды»), т. е. по нормам четверичной системы счисления. Связь с айнами нас тоже не должна удивлять — они происходят с юга, возможно, из Океании².

Древность числового ряда с одного до четырех и тот факт, что числа трактуются у многих народов как мужские и женские, позволяют связать этот числовой ряд с половозрастной организацией. Для этого есть веские основания, особенно в отношении чисел «один» и «два». У шумеров число «один» обозначалось словом «as» — «мужчина», число «два» — словом «nip» — «женщина»³. Во всех восьми тасманийских языках число «один» — «ragmege» — восходит к слову «мужчина». Во многих австралийских языках число «два» — «bula», восходит к слову «женщина».

Число «три» тоже часто трактуется как «мужчина», но в отличие от числа «один» его предметной основой является не взрослый человек, а подросток, ребенок. В Полинезии ребенок и подросток ассоциируются с яйцом. В протоокеанийском «три» — «telu», «яйцо» — «telur», «ребенок» — «natuk». В ряде современных океанийских языков «три», «яйцо» и «ребенок» слились в одно слово — «tol-nato», которое С. Вурм толкует как «egg-volk»⁴; «tol» можно перевести как «три».

Связь числа «три» с подростком прослеживается и в индоевропейских языках. Санскритское «taguna» означает «юный, свежий» и число «три». В Эдде имя Один сопровождается эпитетом «thridhi», который обычно толкуют как «третий»; но Один — старший брат, а не младший; «thridhi» в этом контексте, видимо, следует понимать иначе — «юный», «молодой».

Число «четыре» — женское. Возможно, здесь уже действует принцип: четное значит женское. Но не исключено, что и у этого числа могла быть в ряде случаев предметная основа и в качестве таковой могла выступать подросток женского пола. У многих индейских племен Северной Америки, где число «четыре» окружено почетом, главным героем мифов и сказок является одна из четырех сестер, чаще всего младшая⁵.

В поисках предметной основы числа «три» мы опирались на материалы по древним народам. У современных (речь идет о прошлом веке) бродячих охотников и собирателей мы таких данных не найдем. Время само по себе, даже при почти полной остановке в развитии, вно-

² Штернберг Л. Я. Айнская проблема. — В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.

³ Рифтин А. П. Система шумерских числительных. — Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927, с. 184.

⁴ Wurm S. A. and Wilson B. English Finderlist of Reconstructions in Austronesian Languages. Canberra, 1975, p. 66.

⁵ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.: Изд. вост. лит., 1958, с. 109.

сит изменения в язык и культуру. У древних народов числа «один» и «два» были обособлены друг от друга, потому что выражали не только количество, но и качество. С помощью таких чисел можно было считать либо по одному, либо по два. Когда у древних возникла потребность считать по три, им пришлось создать предметное число «три». У современных же бродячих охотников и собирателей потребности считать по три не было. Время между тем шло, числа «один» и «два» оторвались у них от своих предметных основ, начали выражать только количество, встали рядом, как однородные члены числового ряда, их можно было прибавлять одно к другому и выражать количество три как «два один», четыре как «два два». Так, в языке племени аранда (Австралия) 1 — ninta, 2 — tera, 3 — tera ma ninta, 4 — tera ma tera, 5 — tera ma tera ma ninta⁶. Возникла двоичная система счисления, которая при всей ее простоте, не является, вероятно, хронологически самой древней.

Этот пример показывает, что явления, встречающиеся у современных бродячих охотников и собирателей, не всегда можно механически проецировать в прошлое.

Грамматический род и именные классы тоже связаны, по нашему мнению, с половозрастной организацией. В австралийских и папуасских языках эти грамматические категории не всегда легко отличить друг от друга — это может быть род (мужской, женский и два средних), но может быть и именной класс (мужской, женский и два предметных). Чтобы преодолеть это затруднение, употребляют иногда термин «родовые классы» (gender classes). Правда, язык, имеющий свои собственные законы, внес изменения в первоначальную картину и затемнил связь этих категорий с полом и возрастом. Особенно ярко это проявилось в индоевропейских языках, классический пример тому — немецкое «das Weib» (женщина, средний род). Но, во-первых, все же «das Weib», а не «der Weib». Во-вторых, средний род может быть связан с детским возрастом, некоторые исследователи не зря называют его «детским». Так что о полном отрыве грамматического рода от пола даже в этом случае говорить нельзя.

Довольно часто число родов и классов — четыре, иногда пять, и ярче всего они выражают себя в числительных, притом в пределах от одного до четырех, иногда от одного до трех (начиная с пяти, а в ряде случаев с четырех, числительные уже не изменяются по родам и классам)⁷. Источник рода и именных классов один и тот же — половозрастная организация; слова «мужчина», «женщина», «подросток» выражали в то время, с одной стороны, пол и возраст с другой — число. Когда число оторвалось от пола и возраста, языку пришлось выбирать: либо пол и возраст, либо число. В первом случае возникал грамматический род и развитие шло обычно от четырех родов к трем, двум, подчас к полной утрате языком этой грамматической категории. Во втором случае возникали именные классы, и развитие шло обычно от четырех классов к пяти, девяти и т. д., до нескольких десятков. Кстати, в тех случаях, когда распределение по классам зависит не от формы слова (имени), а от формы обозначаемого этим словом предмета (круглый, длинный, напиток, лодка и т. д.), следовало бы говорить не об именных, а о предметных классах.

Грамматическое число тоже коренится в половозрастной организации. Если исключить из рассмотрения множественное число (множественно — это не число), то останутся четыре числа — единственное, двойственное, тройственное и в некоторых языках — четверное. Ярче всего они проявляют себя в тех случаях, когда речь идет о людях. Двойст-

⁶ Токарев С. А. Языки австралийцев. — В кн.: Народы Австралии и Океании. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 94.

⁷ Dixon R. M. The Dyirbal Language. Cambridge, 1972, p. 308; Wurm S. A. (ed.) Papuan Languages and the New Guinea Linguistic Scene. Canberra, 1975, p. 744, 754.

венное число по своему происхождению женское. В то далекое время женщина мыслилась как двуединое существо, и о ней говорилось в двойственном (тогда оно было двуединым) числе. Так, в Одиссее эпитет, образованный из имени Сирен, употреблен в двойственном числе, и, по мнению всех без исключения комментаторов и специалистов по гомеровскому языку, первоначально само понятие Сирена мыслилось как двуединое существо, откуда и возникло двойственное число. Слово «сирена» в единственном числе появляется только в поздней литературе⁸. Статуэтка из древних азиатских поселений изображает женщину с одним туловищем и двумя головами⁹. В австралийских мифах двуединое существо распалось: фигурируют две женщины, из которых одна обычно не играет никакой сюжетной роли.

Тройственное число по происхождению — подростковое. В то далекое время подросток мыслился как триединое существо, и о нем, а также обо всем, что с ним было связано, говорилось в тройственном числе. Когда в русской волшебной сказке речь идет о тридевяти царстве, тридесятом государстве, то здесь, как это теперь ни странно, три равно одному, и девятое царство потому тридевятое, что туда направляется герой сказки, триединое существо. Позднее это существо распалось на трех братьев, породив в фольклоре закон троичности и загадав исследователям загадку: почему в сказке повествуется о трех, хотя герой ее является один?

Триединое существо встречается во многих религиях; здесь оно не вполне распалось на трех отдельных персонажей — религия отличается консервативностью — и часто изображается с тремя головами на одном туловище.

Путь к пониманию природы триединого существа проложил В. Я. Пропп, доказавший, что прототипом героя волшебной сказки является подросток, проходящий обряды инициации¹⁰. В жизни этот подросток переходит из группы детей в группу взрослых мужчин; в сказке он совершает путешествие в иной мир, преодолевая множество препятствий. Путешествие занимает, на первый взгляд, немного времени. Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Обряды инициации длятся до десяти и более лет. К тому же в сказке путешествие в иной мир совершается один раз, а приобщение подростка к тайному миру взрослых мужчин — не сразу, а с перерывами, по частям. Подросток живет одновременно в трех возрастных группах: в группе таких же, как он, подростков, полностью изолированной подчас в течение года; в группе мужчин во время самих обрядов; в группе женщин и детей в перерывах между обрядами.

В эпоху половозрастной организации человек воспринимался как часть социальной группы и наделялся всеми признаками, этой группе присущими. Если он принадлежал к тотему Бобра, то его изображали в скульптуре с туловищем человека и головой бобра — это и была его социальная личность. Подросток же один принадлежал сразу к трем группам, поэтому он и воспринимался как триединое существо, и послужил основой (там, где была потребность в счете по три) для возникновения предметного числа «три».

Как далеко может зайти трансформация половозрастной структуры, можно показать на примере австралийской системы четырех секций. В прошлом в одной группе были мужчины, в смежной с нею — дети мужского пола и старики, в третьей — женщины и в смежной с нею — дети женского пола и старухи. Такое деление на четыре половозрастных группы было обусловлено разделением труда. Но эти группы наряду с хозяйственным приобрели и социальное значение и поэто-

⁸ Об этом автору сообщил Ю. К. Поплинский.

⁹ Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977, табл. 6, № 1.

¹⁰ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1946.

му были оформлены как группы родственников. Логика родства привела к объединению мужчин и женщин (брат — сестра), к замене возраста поколением (родители — дети). Половозрастные группы утратили связь с полом и возрастом и превратились в секции, в каждой из которых — мужчины и женщины всех возрастов. Теперь в одну секцию попадают люди не перемежающихся возрастов (как было раньше), а перемежающихся поколений, и поэтому возникают ситуации, когда мужчина называет своего ровесника «дедом», а тот его «внуком». Лишь в последние годы этот обычай постепенно исчезает. М. Меггит пишет об аборигенах племени валбири: «Некоторые люди находят забавным то, что другие, примерно их сверстники, являются для них классификаторскими „дедами“ или „внуками“»¹¹.

Система секций зафиксирована в Австралии, да и там не у всех племен. Сначала думали, что главная ее цель — регулирование браков, и даже сами секции называли «брачными классами», хотя и отмечали иногда, что сами аборигены такой функции им не приписывают¹². Последующие исследования показали, что браки регулируются системой родства, а секции возникли как инструмент межплеменных связей, как средство для установления родства между членами разных племен¹³. Здесь не место говорить о специфике родства у аборигенов, напомним лишь о совете, который дан Б. Спенсером и Ф. Гилленом: «Имея дело с этими народами, абсолютно необходимо отбросить в сторону все те представления о родстве, какие есть у нас»¹⁴. В тех районах, где племенные территории невелики, люди устанавливают родство с помощью тотемов, и потребность в секциях не ощущается, тотемы у соседних родственных племен, как правило, одни и те же¹⁵. В северных районах, где племена говорят на разных языках, и в пустынных, где племенные территории огромны, тотемы у соседних племен зачастую разные. Здесь на помощь приходят секции — их четыре (у некоторых племен каждая из них разделена на две), и они либо носят одни и те же названия, либо известно, какая из них какой соответствует. Но секции — не единственно возможный способ установления родственных связей с иноплеменниками. Бушмены кунг создали для этой цели систему личных имен, наследуемых (так же, как и принадлежность к австралийским секциям) через поколение: первый мальчик в семье получает имя отца отца, второй — отца матери; первая девочка — имя матери матери, вторая — матери отца. Мужских имен у бушменов кунг — 35, женских — 34. Если кунг встречает тезку своего отца, то называет его «отцом». С помощью системы личных имен бушмены кунг создали, по выражению Р. Ли, «сеть фиктивного родства» протяженностью в пятьсот миль, от Анголы до Центральной Ботсваны¹⁶. Добавим к этому, что сами бушмены не считают это родство фиктивным.

В австралийской системе секций и бушменской системе личных имен есть общая черта — уравнение перемежающихся поколений, что говорит о вероятном происхождении той и другой из половозрастных организаций. Но это — разные системы, хотя они и выполняют одну и ту же функцию. И возникают подобного рода системы не везде, а лишь там, где они жизненно необходимы.

В. А. Попов заканчивает свою статью словами: «Предложенная здесь реконструкция системы возрастных классов древнеаканского общества весьма гипотетична и нуждается в дальнейшем совершенствовании» (с. 97). Эти слова в равной и даже в еще большей мере отно-

¹¹ Meggitt M. J. *Desert People*. Chicago, 1965, p. 238.

¹² Spencer B., Gillen F. *The Arunta*. V. 1. London, 1927, p. 49, 319—320.

¹³ Элькин А. Коренное население Австралии. М.: Изд-во иностр. лит. с. 97, 105; Berndt R. and C. *The World of the First Australians*. London, 1964, p. 69.

¹⁴ Spencer B., Gillen F. *The Northern Tribes of Central Australia*. London, 1904, p. 95.

¹⁵ Howitt A. W. *The Native Tribes of South-East Australia*. London, 1904, p. 143.

¹⁶ Lee R. B. *The Kung Bushmen of Botswana*. — In: *Hunters and Gatherers Today*./Ed. Biccieri M. G. N. Y., 1972, p. 357.

сятся к тому, что сказано здесь о половозрастной организации — этой исходной структуре, с которой человечество начинало свой долгий и разветвленный исторический путь.

SEX-AND-AGE ORGANIZATION

The author examines V. A. Popov's paper on sex-and-age stratification among the Akan peoples that functions in the context of differences in property and rank. He offers the following considerations.

The earliest sex-and-age organization has left few traces, and these have to be searched for in all spheres of culture, in all aspects of language, in all folklore genres of many peoples. Among other things, there is a relationship between the sex-and-age organization and the numeral. It has long been known that primitive peoples see a connexion between numerals and sex, but contemporary research has shown also a connexion of the numeral with age level.

В. А. Попов

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ ПЕРВОБЫТНОСТИ

(Вместо ответа оппонентам)

Конкретная по замыслу и исполнению статья, в которой ставилась и решалась довольно ограниченная задача, оказавшись объектом дискуссии, вполне естественно стала не столько предметом обсуждения, сколько поводом для разговора о проблемах изучения половозрастных явлений. К тому же участники обсуждения только условно могут быть названы оппонентами, так как все они оказались единомышленниками автора в главном — в том, что половозрастная стратификация представляет собой универсальное социальное явление, что на ранних этапах развития первобытного общества в основе социальной организации лежал половозрастной принцип.

В связи с этим настоящие заметки не являются традиционным ответом оппонентам, а скорее всего представляют собой обзор основных проблем изучения половозрастных явлений, а также некоторые соображения относительно методики и методологии этносоциологических реконструкций первобытности, о значении половозрастного принципа на ранних этапах социогенеза. Необходимость такой формы заключительного слова обусловлена прежде всего опасением, что у читателя, познакомившегося с представленными здесь откликами, может сложиться ложное впечатление о единстве взглядов на эти проблемы среди историков первобытного общества. Другие точки зрения здесь просто не представлены.

Участники «круглого стола» не подвергают сомнению не только исходные теоретические посылки предпринятой реконструкции древнеаканских возрастных групп и возрастных классов, но и саму методику реконструкции, хотя, пожалуй, этот аспект в статье по-настоящему дискусионен и в первую очередь заслуживает обсуждения и, по-видимому, критики.

Методика реконструкций всегда была актуальной проблемой для историков первобытного общества. Однако в настоящее время, когда резко возросли требования к теоретической интерпретации эмпирических данных, совершенствование методики и методологии реконструкций приобретает первостепенное значение. В связи с этим вполне своевременно задаться вопросом: есть ли у этносоциологов первобытности некая система приемов, способных выступать в качестве методологических постулатов при разработке гипотез и при создании теоретических реконструкций? Думается, что есть набор таких приемов; правда, многие из них применяются интуитивно и не стали еще предметом специального рассмотрения. Большинство из них выступает как